

В. Н. ВИНОГРАДОВ

ЗАКАТ КЕЙР ГАРДИ И ВОЗВЫШЕНИЕ РАМСЕЯ МАКДОНАЛЬДА

(Из истории раннего лейборизма)

16 февраля 1906 г. в лондонском Куинз-холле состоялось торжество, посвященное успеху лейбористов на выборах в парламент. Впервые в палате общин появилась значительная, в 29 человек, группа их депутатов. Собравшиеся встречали и провожали каждого оратора приветственными возгласами и аплодисментами. А те не скупились на обещания. Джеймс Кейр Гарди говорил: «Спящий гигант просыпается, и в грядущие дни, в близком будущем, лейбористы станут доминирующим фактором в политике» (одобрительные крики). Двухпартийная система разваливается. «Лейбористская партия постарается сделать для всех очевидным, что она не является ни хвостом, ни крылом либералов»¹. Ему вторил Артур Гендерсон. Этот опытный профсоюзный деятель, до недавнего времени бывший либералом, на радостях заговорил о социализме: «Некоторые из мест, считавшихся вотчиной сельских джентльменов, представлены теперь посланцами землекопов и газовщиков. Избрание рабочих депутатов в парламент составит важную веху в прогрессе социализма... Цитадель капитализма станет не только палатой общин, но и палатой народа». В торжествах участвовал и Рамсей Макдональд. Раньше, говорил он, в среднем раз в 5 лет (т. е. перед выборами) за «суверенным народом» принимались усиленно ухаживать, «ему льстили дамы из Лиги подснежника»², его подкупали кандидаты обеих сторон, имевшие в своем распоряжении куда больше денег, чем политической мудрости. Его одурманивали империалистическим духом... Болтали без конца о том, что голос демократии — это голос бога... На деле же демократия была гласом блуждающего в пустыне без проводника, без мужества и без надежды»³. Ныне это время миновало, клялся Макдональд.

Никогда больше лейбористские златоусты не «низвергали капитализм» с такой быстротой и легкостью. Считанных лет оказалось достаточно, чтобы смыть надежды избирателей, иссушить мечты, превратить новую фракцию в то, чем она являлась на деле, — группу политических дельцов, немного левее буржуазных радикалов, стремившуюся наладить сотрудничество с либералами на «деловой основе».

Это был встречный процесс. Британский капитал проявлял не меньше интереса к связям с лейбористскими лидерами (разумеется, на определенных условиях). В Сити ощущали настоятельную необходимость смены вех в рабочей политике. Хотя Англия, казалось, и была далека от революционной бури, охватившей в 1905—1907 гг. Европейский континент, но и в ней чувствовался ветер перемен. Вместе с утратой мировой промышленной монополии ушло время безраздельного идеологического подчинения британских рабочих «собственной» буржуазии. Раньше подразумевалось само собой, что лидеры крупнейших тред-юнионов состоят в политической свите «великого старца»

¹ «The Sixth Annual Conference of the Labour Party» (далее — LP, 6th An. Conf.), р. 66.

² Консервативная организация, созданная в честь Бенджамена Дизраэли. Существует и ныне.

³ LP, 6th An. Conf., р. 69.

Вильяма Юарта Гладстона. Теперь возникла лейбористская партия, рабочая по названию и составу своих членов. Возникла не потому, что этого желали лидеры, а в результате настоятельных требований участников рабочего движения о создании политической организации, которая защищала бы их интересы в парламенте. И в Вестминстере, и на Даунинг стрит должны были считаться с новыми веяниями. Искушенные кормчие британского капитала приступили к поискам иных путей для обеспечения прежней цели — сохранения своего влияния на пролетариат, удержания его в рамках реформистской идеологии. Опирались они на руководителей вновь созданной партии.

Лейбористы не низвергли, а вжились в двухпартийную систему. Разумеется, далось это нелегко и непросто. И в первую очередь — из-за протеста «снизу», со стороны миллионной рабочей массы, с чем приходилось считаться. А кроме того, не всякий реформизм высоко котируется на буржуазной политической бирже. Во Франции столпам III Республики не приходило в голову «смыкаться» с Жаном Жоресом, а «временных социалистов» — Мильерана, Вивiani и Бриана — они с готовностью приняли в свои объятия. В Англии в числе «жертв», принесенных на алтарь сотрудничества, значился основатель лейбористской партии, Джеймс Кейр Гарди.

История Кейр Гарди и Рамсея Макдональда — это не просто рассказ о смене лидеров политической партии. В уходе Гарди и «воцарении» Макдональда отразились общие процессы становления и развития реформизма в наступившую империалистическую эпоху.

С самого начала обстановка в парламентской фракции лейбористов не была безоблачной, и это сказалось уже при выборе председателя. Столкнулись две кандидатуры: Кейр Гарди и Дэвида Шекльтона. «Считаться славою» им было просто невозможно. За плечами первого — 20 лет пребывания в рабочем движении, известность в стране, в профсоюзных и социалистических кругах и за границей. О втором было лишь известно, что он тянул лямку профсоюзного функционера, до недавнего времени был исправнейшим из либералов, и лишь поворот в настроениях текстильщиков Ланкашира, решивших примкнуть к Комитету рабочего представительства⁴, привел его к лейбористам. В пользу избрания Кейр Гарди говорили его десятилетний парламентский опыт, положение лидера Независимой рабочей партии и одного из основателей КРП. Всего этого Шекльтон был лишен. И тем не менее при открытом голосовании симпатии участников разделились поровну. Не дал результатов и первый тур закрытого голосования. И лишь с третьей попытки председателем, большинством в один голос, стал Кейр Гарди. Даже не все «независимцы» поддержали его. Удар в спину нанес Рамсей Макдональд, который сперва воздержался от голосования, а потом, как считают, выступил даже против Гарди⁵.

Стало ясно, что в глазах половины новых депутатов известность Гарди являлась не плюсом, а минусом. Они не одобряли его прошлой деятельности и не считали подходящим лицом для проведения желательного в парламенте курса. Даже будучи избранным председателем фракции, он не стал ее руководителем. В ней быстро росло влияние Рамсея Макдональда⁶. «Кейр Гарди, подлинный основатель партии и ее наиболее уважаемый лидер, отошел на задний план из-за пошатнувшегося здоровья, но в гораздо большей степени потому, что его личные качества не соответствовали стратегии, которую должна была проводить партия»⁷, — писал самый авторитетный из историков лейборизма проф. Дж. Коул. Попытаемся показать причины этого.

* * *

Кейр Гарди появился на свет 15 августа 1856 г. в маленькой шотландской деревушке близ Глазго. Его мать, Мэри Кейр, не состояла тогда в зарегистрированном браке. Позже Мэри вышла замуж за судового плотника Дэвида Гарди, и семья пере-

⁴ Комитет рабочего представительства (КРП) был основан в 1900 г. и в 1906 г. переименован в лейбористскую партию.

⁵ С. С. Gross. Philip Snowden. London, 1966, p. 75.

⁶ Д. Шекльтон быстро сошел с лейбористской арены, став высоким правительственным чиновником.

⁷ G. D. H. Cole. British Working Class Politics, 1832—1913. London, 1941, p. 206.

селилась в индустриальную столицу Шотландии, город Глазго. Приемный отец, обычно хороший и заботливый человек, буянил и попрекал жену «незаконнорожденным», когда напивался. Говорят, что эти детские воспоминания сделали Кейр Гарди строжайшим трезвенником на всю жизнь.

Восьми лет его отправили на работу посыльного — сперва в пароходную компанию, затем в типографию. Любознательный мальчик охотно остался бы здесь учиться на печатника. Но разве могла семья позволить семилетнее ученичество! В десять лет Джеймс стал разносчиком хлеба в пекарне. Однажды, когда он, не позавтракав, — отец был выкинут с верфи, и в доме не было ни крошки — опоздал на работу, его, насквозь промокшего в жалкой одежонке, вызвали «наверх». Перед дверью лакей приказал ему подождать: хозяин, известный своей набожностью, еще читал застольную молитву. Наконец, Джеймс был допущен в столовую. Представившаяся его взору сцена запомнилась на всю жизнь. «Вокруг большого стола из красного дерева сидела семья с отцом во главе... Стол ломился от яств. Мой хозяин взглянул на меня поверх очков и сказал своим приятным спокойным голосом: «Мальчик, уже второе утро подряд ты опаздываешь, а покупатели меня оставят, если им придется ждать теплый хлеб к завтраку. Я увольняю тебя и, чтобы в будущем ты стал осмотрительнее, штрафую тебя на недельный заработок. А теперь уходи!»⁸. Это произошло 31 декабря 1866 г.

Вскоре Гарди покинули негостеприимный Глазго и перебрались в графство Ленаркшир. Здесь Джеймс стал шахтером. Довольно долго он работал коногоном, затем — забойщиком. Жизнь была тяжела: в шесть утра смена спускалась вниз на 12 часов, зимой горняки видели солнце лишь по воскресеньям. Но и в этих условиях жажда знаний не покинула Гарди. В 15 лет он выучился писать. Позже приобщился к профсоюзной работе; участвовал в стачках; заслужил уважение товарищей. Шахтеры графства Эйршир пригласили его на должность секретаря своего союза. Кейр Гарди, уже женатый человек, переехал в Камнок и осел там на всю жизнь: в Камноке был его дом, здесь жила его семья, а сам он в дальнейшем, будучи членом парламента и главой лейбористской партии, лишь квартировал в Лондоне.

Союз углекопов в Эйршире был невелик, в него входили считанные люди с каждой шахты; его секретарь вел полукочевую жизнь. Он разъезжал по графству, вербуя в союз, организовывая, ведя переговоры; странствовал в нетопленных поездах, совершал бесконечные пешие переходы в осеннюю слякоть и зимнюю стужу, ночевал в маленьких шахтерских коттеджах и вечерами беседовал у камелька — денег на койку в местной гостинице не было.

В 1887 г. Кейр Гарди впервые участвовал в работе конгресса британских тред-юнионов. И его появление на высшем форуме профсоюзного движения страны не прошло незамеченным. Молодой шотландец возглавил атаку на преданных союзников либералов, политических поклонников Гладстона во главе с Генри Бродхерстом. Последнего он обвинил в том, что тот принял «в дар» пакет акций химической компании «Бравнер энд Монд», отличавшейся изощренной эксплуатацией рабочих. Бродхерсту пришлось обороняться. Он клялся, что не сложит оружия под натиском «безбородых юнцов»⁹. (Сгоряча Бродхерст упустил из виду, что Гарди носил бороду.) А через несколько лет, с наступлением «нового юнионизма», когда в профсоюзы хлынула масса неквалифицированных рабочих, Бродхерст ушел в отставку, поручив БКТ, по его собственному выражению, «заботам господним»¹⁰.

К концу 80-х годов Кейр Гарди вступил на политическую арену. Он баллотировался в 1888 г. в парламент как независимый. Развернутой программы у него не было, вместо нее — широковещательный призыв: «Хлеб — голодным, отдых — усталым, надежду — угнетенным». Энергия и популярность молодого рабочего-вожака тревожила либеральных заправил округа Мид-Ланарк. Ему предложили отступить, гарантируя, если он примкнет к либералам, в скором будущем надежный округ и годовое содержание в 200 ф. ст. Сумма для бедняка, Кейр Гарди, — немалая; она позволяла бы без особых хлопот продолжать основанный им небольшой журнал «Miner». Гарди наотрез отказался от сделки и потерпел поражение на выборах.

⁸ E. Hughes. Keir Hardie. London, 1956, p. 16—17.

⁹ «22nd Trades Union Congress», p. 27.

¹⁰ D. T o r r. Tom Mann and His Times, vol. 2. London, 1962, p. 17.

Но нет худа без добра. Неудача не сломила упряма и его сторонников. Они основали немногочисленную Шотландскую рабочую партию. Подобные же организации под разными вывесками, небольшие и незрелые, возникали в отдельных городах Англии. Британскую буржуазию, привыкшую видеть профсоюзных лидеров в своей политической упряжке, тревожило не число, а сам факт развития идеи политической независимости рабочих.

1892 г. — время торжества Кейр Гарди. Он выдвинул свою кандидатуру в парламент в лондонском округе Вест-Хэм, районе доков. Он обещал выступать в палате общин в интересах рабочих и добился успеха. С точки зрения парламентских традиций, поведение Кейр Гарди в палате было сплошным вызовом. Начать с того, что он подкатил к Вестминстеру в извозничьей пролетке в сопровождении трубача, издававшего громкие звуки, и был одет не в традиционный сюртук, а в грубошерстный коричневый костюм и носил шапочку, обычный головной убор шотландских рабочих. Все это шокировало депутатов. На самом деле ничего намеренно-вызывающего в поведении Гарди в палате не было. Просто обрадованные избиратели наняли ему кэбмена и, будучи, как и новый депутат, в хорошем настроении, решили развлечься с помощью трубы.

Конечно, все эти мелочи быстро выветрились бы из памяти не только широкой общественности, но и старожилов Вестминстера, если бы парламентская деятельность Кейр Гарди не заложила основы его популярности. Скоро он заслужил прозвище «депутат от безработных». Он рекомендовал запретить сверхурочный труд, ввести восьмичасовой рабочий день на государственных предприятиях, железных дорогах и в шахтах, чтобы рассосать безработицу¹¹. Гарди предлагал увеличить число фабричных инспекторов и установить прогрессивно-подоходный налог.

Случалось, он выступал один, хотя «рабочих депутатов» в палате числилось более десятка. Все прочие, сидя на либеральных скамьях, покорно молчали. Один случай его «бунтарства» прогремел по всей стране. Это произошло, когда парламент сочинил приветственный адрес по поводу очередного прибавления в королевском семействе, но отказался выразить сочувствие семьям жертв страшного обвала, случившегося на шахте «Альбион» в Южном Уэльсе в июне 1894 г. и похоронившего 260 мужчин и подростков. Кейр Гарди объявил тогда, что не видит повода для торжества: «Мы имеем право спросить, какие особые блага принесла нации королевская семья, чего ради мы должны участвовать в сегодняшней процедуре?» — и дал нелестную характеристику членам августейшей фамилии¹². Присутствовавший на заседании журналист сравнивал разыгравшуюся в зале бурю со сценой в зверинце во время кормления хищников.

В январе 1893 г. в Брэдфорде собралась учредительная конференция Независимой рабочей партии. Во главе ее встал Кейр Гарди. Ф. Энгельс тепло приветствовал рождение НРП. Ее программа, писал он своему давнему другу Фридриху Адольфу Зорге, носит социалистический характер и «в основном совпадает с нашей». «В своей массе члены этой партии определенно очень хороши», и, «если здесь удастся несколько обуздать... карьеристские устремления и интриги лондонских выскочек, а в тактике не будет допущено *слишком* больших извращений», удастся добиться единства рабочего движения¹³. Ф. Энгельс выразил надежду, что «массы приберут к рукам своих руководителей»¹⁴ и положат конец сектантству и разногласиям в рядах британских социалистов и рабочего движения в целом.

В этом письме каждое слово исполнено глубокого политического значения. Единственная существовавшая до того общанглийская организация социалистов, Социал-демократическая федерация (СДФ), усвоив марксистскую терминологию, не постигла творческого духа марксизма. Ее руководитель, Генри Мейерс Гайндман, выходец из консервативной семьи плантаторов и финансистов, строил умозрительные проекты социального переворота вне связи с пролетарским движением. Деятельность в профсоюзах он отвергал, считая их крайне реакционными, стачки недооценивал, борьбу за повседневные интересы рассматривал как паллиатив, недостойный подлинного революционера, каковым он себя считал. В работе СДФ было немало положительных

¹¹ W. Stewart. J. Keir Hardie. London, 1925, p. 85—87.

¹² «Parliamentary Debates» (далее — PD), 4th Ser., vol. 26, cls. 138, 462 — 464, 567.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 9.

черт. Ее члены неустанно, систематически и умело раскрывали язвы капитализма, пропагандировали необходимость его свержения и распространяли социалистические идеи¹⁵. Однако, будучи теоретически слабо подготовленными, они не могли преодолеть влияния Гайдмана и его сторонников. Что было особенно плохо, — так это старания Гайдмана выдать свой догматизм и сектанство за подлинный марксизм. В результате рабочее движение развизалось само по себе, а СДФ упивалась в одиночестве «революционной принципиальностью».

Ф. Энгельс, призывавший к объединению социализма с рабочим движением в массовой партии, с тревогой следил за создавшимся положением. СДФ, писал он, ухитрилась «превратить теорию развития Маркса в окаменелую ортодоксию, к пониманию которой рабочие должны прийти, не руководствуясь своим собственным классовым чутьем, а проглотив ее залпом и без рассуждений в качестве символа веры»¹⁶. Он выражал сильнейшее опасение, что федерация придет, «как говорит Гегель, от ничего через ничто к ничему». Отсюда понятен глубокий интерес Ф. Энгельса к НРП, возникшей из тред-юнионов и ориентировавшейся на них. Казалось, появилось звено, смыкавшее социализм с рабочим движением.

Но многозначительна оговорка, сделанная Ф. Энгельсом: партия сыграет свою роль, если массы «приберут к рукам» руководителей. К последним (включая Кейр Гарди) Ф. Энгельс не питал доверия и имел на это веские основания. Гарди был глубоко чужд научному социализму. Сколько-нибудь стройной системы воззрений он не выработал, теорией не занимался и, подобно многим тред-юнионистам, даже слегка щеголял этим, что видно из его письма Ф. Энгельсу¹⁷. Смолоду Гарди подвизался в качестве проповедника в одной из бесчисленных религиозных сект, и это не явилось случайным и бесследным эпизодом в его жизни. Он писал, что почерпнул «из учения Иисуса Назарянина больше, нежели из всех прочих источников, вместе взятых»¹⁸. Социализм он рассматривал как строй, долженствующий облагодетельствовать все человечество без изъятия, как возврат людей к тому состоянию, когда не было «эгоистической погони за золотом, в которой каждый попирает ближнего своего в безумной жажде получить больше»¹⁹. Гарди вполне серьезно писал о «бремени богатства», давящего на собственников. То обстоятельство, что сами богачи не жаловались на свою участь, его не смущало. Он заявлял: социалисты предлагают бедным «освобождение от ярма неблагоприятного труда и гнетущей нищеты; среднему классу — от тирании рынка; богатым дают надежду на возвращение радостей жизни, освобождая их от бремени собственности»²⁰. Гарди не жалел трудов и красноречия, стремясь рассеять, как ему казалось, губительные предубеждения толстосумов. «Друзья мои, — обращался он к состоятельным избирателям Мертир-Тидвилла (Уэльс), — мне хотелось бы почтительно сказать вам, что ваш бизнес и ваша собственность столь же пагубны для вас, как бедность для трудящихся»²¹.

В юности Кейр Гарди мечтал о «добром времени, когда капитал и труд сойдутся под одной крышей, закурят трубку мира и вместе с медленно поднимающимся дымом канут в небытие все существующие разногласия». В зрелые годы он не позволял себе столь наивных высказываний. В отличие от либеральных тред-юнионистов Кейр Гарди не признавал гармонии интересов труда и капитала. Речи о том, будто политическое движение рабочих не антагонистично интересам собственников, он высмеивал как «казуистику и ложь». Ни одна реформа, заслуживающая этого имени, подчеркивал он, не придет к рабочему классу без того, чтобы не ущемить привилегированных²². Но это при существовавшем положении вещей. Когда же факел социализма рассеет мрак невежества, когда капиталисты уразумеют, насколько общечеловеческие интересы светлее и прекраснее соображений кошелька, полагал Кейр Гарди, тогда все

¹⁵ В. И. Ленин отмечал: «Во всей Англии только социал-демократы вели в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе». — Полн. собр. соч., т. 23, стр. 440.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 207.

¹⁷ Дж. Кейр Гарди — Ф. Энгельсу, 21.V.1889. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, № 4923.

¹⁸ F. J o h n s o n. Keir Hardie's Socialism. [s.l., s.a.], p. 4.

¹⁹ Ibid., p. 10.

²⁰ J. Keir Hardie. The ILP, All About It, [s.l., s.a.], p. 5.

²¹ F. J o h n s o n. Op. cit., p. 12.

²² Ibid., p. 4, 5.

пойдет по-прежнему. И он возвращался к исходному рубежу: социализм «в основе своей есть вопрос этики и морали»²³, «он выступает со всей эмоциональной силой великой религиозной истины»²⁴. Общественное мнение, созрев, сломает стены эгоизма²⁵. Насмехаясь над теоретическими «мечтаниями», выставляя напоказ свой сугубый практицизм, Гарди с заднего хода открывал двери такой химерической фигуре, как возведенный в социальный фактор «сознательный» капиталист.

Призыв к просветительской деятельности во всех слоях общества — неотъемлемая часть взглядов Гарди. Смена форм собственности, по Гарди, всего лишь производное от развития социалистического духа. Когда им проникнутся «рядовые члены нации», ему будет найдено и соответствующее экономическое и политическое выражение²⁶. Революционный переворот находится за пределами его взглядов. К термину «революция» нередко добавляется эпитет «кровавая», чтобы подчеркнуть отрицательное к ней отношение. Кейр Гарди мечтал о другой революции, понимая под нею переворот в общественном сознании.

Столь же противоречивым было и отношение Гарди к классовой борьбе. В молодости, будучи подающим надежды профсоюзным лидером, он руководил стачками, либо поддерживал их. В парламенте в 90-е годы Гарди был достойным представителем своего класса. Да и во время легислатуры 1900—1906 гг. он не раз схватывался в одиночку, либо при минимальной поддержке «коллег», прошедших в палату благодаря рабочим голосам, с консервативными или либеральными депутатами. Ему принадлежит честь внесения в парламент первой за 700 лет истории этого учреждения социалистической резолюции. Именно Гарди 21 апреля 1901 г. предложил создать «социалистическое сообщество, основанное на общей собственности на землю и капитал и на производстве для потребления, а не для прибыли, и равных возможностях для всех граждан»²⁷. Вот его отзыв об учреждении, членом которого он состоял почти 20 лет: палата общин все более превращается в «гнилую массу коррупции, в трясину корыстного безумия, в собрание продажных, бездушных наемников, мертвецы безразличных к чувству чести и уважения к себе. Она стала машиной для регистрации решений биржи. Несгибаемый интеллект, неподкупная отвага — вот качества, которые должно ценить превыше всего. А здесь их боятся и ненавидят»²⁸.

Кейр Гарди никак нельзя обвинить в пietetе к самому респектабельному из традиционно чтимых в Британии институтов. В палате он по-прежнему чувствовал себя неуютно и одиноко. Его попытка сколотить лейбористскую группу провалилась. «Негодий Джон Бернс»²⁹, избранный как независимый, готовился к карьере министра. Товарищ по Комитету рабочего представительства, Ричард Белл, на всех парусах плыл к либералам. Можно отметить одну характерную «мелочь»: парламентские организаторы вигов взяли обоих под свою опеку с первого заседания, считая их своими. «Я — единственный непоговяемый член палаты», — шутил Гарди. Его даже не известили о начале сессии.

Будучи убежденным республиканцем, Кейр Гарди возмущался пышностью похорон королевы Виктории и лицемерием «общества»: «Низкопоклонство прессы — удручающее; страницы «Graphic», врущей насчет проливаемых слез и траура нации, — просто плод больного воображения»³⁰. Смертью королевы он «воспользовался» по-своему, предложив отменить наследственную монархию в стране. Потрясенный спикер отказался включить предложенную им резолюцию в повестку дня. Тогда Гарди вместе с либералом Генри Лабушером высказался за то, чтобы урезать гражданский лист.

Когда лидер горняков Фенвик выступил против введения 8-часового рабочего дня в шахтах, Кейр Гарди заклеил его в краткой реплике: «Если бы ангелы на небесах могли плакать», случай был бы самый подходящий. Гарди посетил Северный Уэльс, где шестой год бастовали рудокопы на слюдяных разработках лорда Пенрина, выступал здесь на митингах, участвовал в сборе средств в фонд помощи, в печати и

²³ J. Keir Hardie. *Socialism and Christianity*, [s.l., s.a.], p. 3.

²⁴ J. Keir Hardie. *The JLP. All About It*, p. 2.

²⁵ «Labour's Turning Point», vol. III. London, 1948, p. 66.

²⁶ F. Johnson. *Op. cit.*, p. 7, 9.

²⁷ PD, 4th Ser., vol. 92, cl. 1186.

²⁸ E. Hughes. *Op. cit.*, p. 96.

²⁹ В. И. Лени н. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 239.

³⁰ E. Hughes. *Op. cit.*, p. 110.

уство разоблачал правительство, использовавшее против стачечников полицию и войска. Он возглавил прения в палате общин по этому вопросу, его выступления прерывались и обрывались спикером ³¹.

Славную страницу в жизни Кейр Гарди составила его агитация против бурской войны (1899—1902 гг.). Не раз под свист и улюлюканье опьяненной шовинизмом толпы он поднимался на трибуны антивоенных митингов. Случалось, что ему приходилось организовывать рабочую охрану таких собраний и самому участвовать в ней, а ведь Кейр Гарди был человеком отнюдь не геркулесовского телосложения. И хотя в речах его изобилие капитала как истинного источника военной угрозы перемежалось с излюбленными ссылками на Иисуса Христа и библейских пророков, он был среди людей, спасших честь Англии в те годы.

Нельзя не упомянуть, что Кейр Гарди был в политической жизни Англии «опасным» изобличителем колониальных нравов и об этой стороне его деятельности с похвалой отзывался В. И. Ленин: когда Кейр Гарди «посмел дерзостным образом приехать в Индию и говорить туземцам об элементарнейших требованиях демократии, то вся английская буржуазная печать подняла вой против «мятежника»» ³².

Однако отвержение научного социализма, сама мысль о том, что буржуа как класс поддаются «перевоспитанию», нежелание «выпячивать» антагонизм труда и капитала приводили не только к непоследовательности и шатаниям в практической деятельности, но обусловили скатывание к оппортунизму. Гарди принадлежит статья «Обвинительный акт классовой войне», являющаяся своего рода вершиной путаницы в его воззрениях. Он заявлял в ней: «Социализм ведет войну с системой, но не с классом» ³³. Выходило, что, по Гарди, капиталистическая система существовала сама по себе, а класс буржуазии — сам по себе. К таким противоречиям приводили душещипательные надежды на классовую совесть эксплуататоров.

Социализма, писал Гарди, «нельзя достигнуть одним прыжком» ³⁴. Общество постепенно будет брать под свой контроль все новые и новые отрасли производства. Явно преувеличивая достижения муниципалитетов в жилищном строительстве, снабжении населения газом, водой и электричеством, он вопрошал: почему бы не распространить эту систему на обеспечение продовольствием, одеждой, всем необходимым? Государство сооружает броненосцы — почему бы ему не взять в свои руки железные дороги, шахты, металлургические и машиностроительные заводы? ³⁵.

Совпадение взглядов с фабианцами, родоначальниками пресловутой теории муниципального социализма, здесь полное. Как и они, Кейр Гарди воображал, будто социализм достижим с помощью одних парламентских реформ. Рабочие в Англии, составляя семь десятых от общего числа избирателей, в потенции «являются господами парламента» ³⁶. Если они на деле не осуществляют своего господства, причина кроется в их собственной несознательности. Нужны две вещи: независимое представительство, чтобы отмежеваться от буржуазных политических группировок; просвещение и воспитание, с помощью которых рабочие осознают, наконец, собственные интересы. Проповедь же классовой борьбы, по Гарди, привела бы к поискам причин неудач не внутри рабочего движения, а вне его ³⁷.

И тут Кейр Гарди загонял себя в заколдованный круг. Как побуждать рабочих выступать независимо от буржуазии, не акцентируя классового антагонизма, не ставя его во главу угла всей деятельности, он не объяснял и объяснить не мог. Полная независимость пролетариата мыслима только с признанием этого принципа как основополагающего. Отрицая это, Гарди вел подкоп под ту самую независимость, которую он так горячо отстаивал на словах.

Созданная в 1893 г. рабочая партия гордо именовала себя независимой (НРП). Однако, приняв социалистическую программу, ее лидеры, в первую очередь Гарди, отказывались зафиксировать это в названии. Почему? Оказывается, они не желали

³¹ PD, 4th Ser., vol. 98, cls. 1054—1085.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 178.

³³ W. Stewart. Op. cit., p. 222—223.

³⁴ J. Keir Hardie. The ILP. All About It, p. 10.

³⁵ J. Keir Hardie. Socialism. London, [s.a.], p. 10.

³⁶ Д. Кейр Гарди. Различие между английским и континентальным рабочим движением. Ростов-на-Дону, 1905, стр. 4.

³⁷ W. Stewart. Op. cit., p. 224.

отпугивать предпринимателей и других людей, готовых подписаться под ее (партии) программой³⁸. По воззрениям Гарди, к капиталистам относились лишь те, кто стриг купоны; если владелец предприятия сам им руководил, он уже «управляющий производством, а не капиталист»³⁹, и... пожалуйте в НРП. Господствовавшая в ней «свобода взглядов» служила прекрасной почвой для расцвета оппортунизма. Деятельность НРП как «потенциально-массовой социалистической партии рабочего класса и вдобавок как распылчато революционной партии»⁴⁰ была прервана. Прошло 10 с небольшим лет, и В. И. Ленин дал ей убийственную оценку: «Справедливо говорят, что эта партия «независима» только от социализма, а от либерализма очень зависима»⁴¹.

В широкой лейбористской партии история повторилась, но, пожалуй, в ухудшенном варианте. Обстановка была сложнее. Гарди выражал уверенность, что рабочая по составу организация неизбежно превратится в социалистическую⁴², стоит оградить ее от посторонних веяний: «Единство рабочего класса — вот одно, что имеет значение... Абстрактные теории немногого стоят»⁴³. Но он «укреплял единство» неизменно за счет социалистических принципов. На учредительной конференции во имя этого «независимцы» отказались поддержать резолюцию о классовой борьбе. Затем, дабы не вносить разногласий, решено было вообще не обзаводиться программой. Руководители вошедших в партию профсоюзов имели полное право не только исповедовать, но и проповедовать свои либеральные и даже консервативные взгляды (существовали и такие «лейбористы»!). И они не стеснялись. А⁴ Кейр Гарди и прочие «сторонники единства» (при сем присутствовали).

В печати Гарди клялся, что ради сохранения лейбористской независимости следует, в случае нужды, пожертвовать всеми до единого местами в парламенте⁴⁴. Тем временем он не только знал, но и участвовал в совершении тайной сделки Рамсей Макдональд — Герберт Гладстон (1903 г.), по которой либералы (отнюдь не бескорыстно) «посторонились» приблизительно в 50 округах, отказавшись от выдвижения своих кандидатов в пользу лейбористов. В обмен последние обещали свою поддержку либеральной партии в других частях страны⁴⁵. Такова была оборотная сторона «независимости» по-лейбористски.

Нельзя пройти и мимо еще одной стороны деятельности Гарди: он был одним из самых воинственных раскольников в британском социалистическом движении своего времени. Да, этот примиритель и сторонник единства с умереннейшими (и реакционнейшими) тред-юнионистами в лейбористской партии был настроен нетерпимо по отношению к революционному течению в социалистической среде и ревниво охранял свое детище, НРП, от усиления влияния этого течения.

В конце XIX — начале XX в. рядовые социалисты, уставшие от келейного существования, не раз поднимали голос в пользу объединения двух своих наиболее значительных организаций, СДФ и НРП. Кейр Гарди в этих случаях неизменно бросал свой немалый авторитет на чашу весов тех, кто противился слиянию⁴⁶. Положение в Социал-демократической Федерации он рисовал самыми мрачными красками, сгущая ее слабости, используя неизжитое еще сектантство и неумение работать в массах: «Ее пропаганда, — утверждал Гарди, — скверная смесь политики и призывов к насильственной революции, ее ведущие ораторы, кажется, озабочены прежде всего тем, чтобы высмеять и выразить свое презрение к таким рабочим организациям, как кооперативы и тред-юнионы, а общества трезвости для них — настоящая черная кошка»⁴⁷.

³⁸ LP, 3rd An. Conf., p. 7.

³⁹ J. Keir Hardie. Socialism, p. 8.

⁴⁰ «Labour's Turning Point», vol. III. London, 1948, p. XXI.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 122.

⁴² E. Hughes. Op. cit., p. 131.

⁴³ E. Johnson. Keir Hardie's Socialism, p. 9.

⁴⁴ E. Hughes. Op. cit., p. 138.

⁴⁵ F. Bealey, H. Pelling. Labour Politics. London, 1958, p. 159.

⁴⁶ Подробнее см. Л. Е. Керман. Из истории борьбы за единство социалистических организаций в Англии в конце XIX — начале XX в. — «Рабочее движение в новое время». М., 1964.

⁴⁷ J. Keir Hardie. My Confession of Faith on the Labour Alliance, [s.l., s.a.], p. 1.

Воинственная непримиримость в отношениях с революционерами и беспредельная и беспринципная уступчивость в сотрудничестве с открыто либеральными тред-юнионистами приводили к тому, что социалистические декларации Гарди превращались в пустую фразу. Знаменитые прежде парламентские «рейды» Кейр Гарди происходили все реже. Бывший бунтарь теперь сам усмирлял «бунты» в лейбористской партии и обуздывал требования «молодых», не желавших мириться с теорией и тактикой реформистов. Кейр Гарди «виляет и вертится»⁴⁸ — так определял его поведение В. И. Ленин.

Кейр Гарди не вел лейбористскую фракцию вперед, а подлаживался к ней, подравнивался, если так можно выразиться, к ее среднему уровню. И все же в заповали оппортунистов он не годился. Длительная торговля где-нибудь на комитетской стадии насчет третъестепенного закона не была его стихией. Во время первой же речи в качестве главы лейбористов он вступил в пререкание с правительством. Он до конца жизни отклонял «лестные» приглашения на приемы и ленчи от тех самых людей, которых избличал в своих речах, и, к нескрываемой досаде занявших места в парламенте тред-юнионистских вождей, не делал секрета из своих социалистических убеждений. Все это отпугивало обывателя. «Подобный метод раздражает английский ум, — свидетельствует биограф Гарди Гамильтон Файф. — Новые идеи британцу следует подносить постепенно, тщательно избегая шока, как это делают с лошастью, когда ее прогуливают вокруг автомобиля, пока она не привыкнет к его шуму, виду и запаху»⁴⁹.

Флит-стрит относился к Гарди с открытой враждой. Издатель либеральной «Daily News» А. Дж. Гардинер писал о нем: «Он не политик и не государственный деятель. Он фанатик... Он упрям и непримирим... Он относится безразлично к деталям». Иное дело такие «здоровомыслящие» в лейбористской фракции, как Д. Шекльтон, А. Гендерсон и прежде всего Рамсей Макдональд. Что же касается Гарди, то он среди своих 30 коллег «в такой же изоляции, как и тогда, когда был один в палате». Движение рождается с дыханием пророка, но затем оставляет его в пустыне, глубокомысленно обобщал свои наблюдения Гардинер. Кейр Гарди — «почти единственный человек в партии, неспособный возглавить ее»⁵⁰.

Суровый критик, несомненно, преувеличивал «недостатки» Гарди. В действительности тот шел на компромисс на каждом шагу. Но все же по части «гибкости» ему было далеко от упомянутой «здоровомыслящей» троицы. И приговор его ближайших «сподвижников», нигде открыто не произнесенный и тогда гласно не выраженный, был безапелляционен: основатель лейбористской партии в ее лидеры не годится. «Гарди не пользовался успехом как председатель... Скучная повседневная работа в палате общин не пришлась ему по вкусу», — писал в мемуарах Филипп Сноуден. Да и сам Кейр Гарди убедился, что мелкая «созидательная» деятельность, к которой стремились свести свою парламентскую активность его коллеги, не по нему. «Природа не предназначала меня для занятия официальных постов. Думаю, я показал, что могу быть пионером, но я руководствуюсь не столько политическими соображениями или тщательным обдумыванием последовательности событий, сколько интуицией и вдохновением»⁵¹. Он писал тому же Сноудену: «Главная причина моего желания покинуть председательское кресло — это получить возможность хоть иногда выступать свободно»⁵². «Продарствовал» он всего год с небольшим. Тяжелая болезнь, вынудившая его пойти на длительный отдых и совершить кругосветное путешествие, дала Кейр Гарди повод официально отвести свою кандидатуру. В 1908 г. ему унаследовал типичный тред-юнионист Артур Гендерсон, затем год председательствовал довольно бесцветный Джордж Барнс. В 1911 г. его сменил Джеймс Рамсей Макдональд, взявший в свои руки возжи правления лейбористской фракции прочно, всерьез и надолго.

Гарди оставалось жить четыре года. Мировая война явилась для него тяжким испытанием. В парламенте, в печати и устно, пусть недостаточно последовательно, он выступил против бойни. Казалось, Гарди вновь оседлал своего «бурского» коня. В. И. Ленин отмечал, что в числе ведущих европейских социалистов, исполнивших

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 126.

⁴⁹ H. Fyfe. Keir Hardie. London, 1935, p. 89.

⁵⁰ E. Hughes. Op. cit., p. 181.

⁵¹ Ph. Snowden. An Autobiography. London, 1934, S. 1, p. 125.

⁵² E. Hughes. Op. cit., p. 183.

свой долг, был и Гарди⁵³. Но его хватило ненадолго. Вскоре этот вечный примиренец принялся «крепить контакты» с шовинистами из лейбористской партии и прекратил борьбу⁵⁴. В сентябре 1915 г. он сошел в могилу.

* * *

Как и Кейр Гарди, Макдональд родился в Шотландии. Детство провел в деревушке Лоссимут, которую не забывал до конца дней своих. Вряд ли кто из суровых рыбаков и пахарей, населявших Лоссимут, подозревал, что вихрастый сыннишка Анны Рамсей, работавшей на полях окрестных фермеров и мыкавшейся без мужа, станет премьер-министром, что деревню украсит его вилла, куда будут наезжать иноземные послы для переговоров. До этого было еще очень далеко. А пока что юный Джеймс, закончив школу и послужив в ней помощником учителя, отправился в свет искать счастья и успеха в жизни, снабженный, помимо благословений матери и бабушки, банком в один фунт и еще семью шиллингами серебром.

В 1885 г. 19-летний юноша, интересовавшийся общественными вопросами, осел в Бристол. Он решил примкнуть к СДФ, но никак не мог обнаружить ее резиденции в городе. Наконец, он догадался обратиться в полицию. В участке, разумеется, были осведомлены о наличии «подрывного гнезда», и вскоре Джеймс переступил порог Британской рабочей кофейни на Вест-стрит⁵⁵.

Сотрудничество Макдональда в бристольской СДФ продолжалось недолго. Сломленный нуждой, он возвратился к матери. Отдохнув, отъевшись на домашних харчах, Макдональд вновь покинул Лоссимут и перебрался в Лондон. В столице он обивал пороги в поисках работы, жил впроголодь и, наконец, устроился в велосипедный клуб, где подписывал адреса на конвертах, затем стал клерком на складе. Мечтал о научной карьере, но забота о куске хлеба мешала ему осуществить эти планы. В 1888 г. он занял пост секретаря либерального члена парламента Томаса Лафа. Он некоторое время посещал собрания СДФ, присутствовал на демонстрации в «кровавое воскресенье» 13 ноября 1887 г., когда 100 тыс. лондонцев протестовали против наложенного запрета на проведение собраний на Трафальгарской площади. Полиция и вызванные ей на помощь гренадеры и конногвардейцы учинили на подступах к колонне Нельсона жестокое избиение демонстрантов, пытавшихся пробиться к излюбленному месту собраний, преподав им наглядный урок британской «демократии».

Нет сведений, что Макдональд пострадал в тот день. Однако свой след «кровавое воскресенье» в его жизни оставило. Это был первый и последний опыт его участия, хотя бы пассивного, в боевой схватке труда и капитала. Макдональд окончательно выяснил для себя, что с СДФ ему не по пути. Осуждение «революционного героизма» становится неотъемлемой чертой его взглядов. Он примыкает к либералам, вступает в Фабианское общество и шесть лет (1894—1900 гг.) состоит в его исполкоме. С началом англо-бурской войны Макдональд занял умеренную пацифистскую позицию и в знак несогласия с выпуском манифеста «Фабианизм и империя», в котором руководители общества если и не одобрили войну, то во всяком случае признали ее неизбежной, покинул эту организацию. Не надо думать, что речи Макдональда гремели на «пробурских» митингах и что он грудью встречал озверевших «патриотов». Ничего подобного. Будучи кабинетным человеком, он избегал общения с толпой.

В то время Макдональд — уже член исполкома НРП. Еще в 1894 г. он обратился к Кейр Гарди с просьбой принять его в ряды этой организации, сообщив, что разочаровался в либералах. 28-летний клерк руководствовался прежде всего соображениями карьеры. Путь в «верхи» либеральной партии был труден и тернист: Макдональд ничем не выделялся. В молодом поколении вигов было немало честолюбцев, опытных в ораторском искусстве и умело владевших пером. У них за плечами были университет, поддержка богатой и часто традиционно влиятельной в партии семьи. Всего этого судьба лишила Макдональда.

В НРП Макдональд быстро сделался звездой первой величины. Воинствующее неприятие ее лидерами марксизма при полнейшей теоретической беспомощности

⁵³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 32, 37.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 177.

⁵⁵ Lord (G.) Elton. The Life of James Ramsay MacDonald. London, 1939, p. 44.

рядовых членов превращало ее в рай для оппортунистов. «Отсутствие теории отрицает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах»⁵⁶.

Уже на следующий год после вступления в НРП Макдональд — ее кандидат на дополнительных выборах в Саутгемптоне. Разве мог он рассчитывать на подобный успех у либералов? Но тут произошла осечка. Социал-демократы, обещавшие на выборах поддержку «независимцам», имея все основания не доверять Макдональду, добились снятия его кандидатуры. Макдональд ответил им в интервью, данном газете «Bristol Evening News». Это было своего рода изложение взглядов ренегатской части «независимцев». Он обрушился с грубыми нападка на СДФ и на революционный социализм вообще: «Я полагаю, что в прошлом социалисты слишком громко кричали на уличных перекрестках, думаю, что, если мы прекратим это занятие, то лишь выиграем в симпатиях публики». На вопрос о влиянии СДФ он ответил: «Она достаточно сильна, чтобы кусать людей и дать себя почувствовать», и выразил надежду, что федерацию «можно скрутить с помощью умело поставленной пропаганды социализма, и она исчезнет совершенно».

Это высказывание еще малоизвестного политика интересно не только и не столько своей оппортунистической непримиримостью. В нем в зачаточной форме излагались планы создания новой организации, воплощению которых Макдональд посвятил всю свою жизнь. Независимая рабочая партия, по его словам, «должна стать строго практической партией» и завоевать поддержку радикалов (буржуазных!). Либеральная ассоциация будет тогда размыта: часть ее членов отойдет к консерваторам, другая вступит в новую демократическую партию, которая и займет место вигов в двухпартийной парламентской системе⁵⁷. Подобная расстановка сил сложилась лишь после первой мировой войны, и сам Макдональд немало потрудился для ее претворения в жизнь. Оттого, что он снабжал планируемую организацию социалистической вывеской, ничего не менялось. Опора на радикалов должна была сказаться и на ее программе, и на тактике.

Возвышение Рамсея Макдональда в первое десятилетие нашего века казалось сказочным: во главе лейбористской партии, рабочей по названию и по составу членов, встал человек, никогда ничего общего с массовым движением не имевший и даже не состоявший в профсоюзе. Но на все есть свои причины.

На учредительной конференции Комитета рабочего представительства (КРП) (так называлась лейбористская партия до 1906 г.) в 1900 г. Макдональд — совсем неприметная фигура. Его голоса не слышно в прениях. Его участие в выработке подготовительных документов до сих пор служит предметом дискуссии. Дело доходит до избрания секретаря новой организации. Встает Джон Уорд и предлагает кандидатуру Сэма Вудса. Но тот не присутствует на заседании. Тогда «независимцу» Фреду Броклхерсту приходит мысль назначить сразу двух секретарей. Это предложение отвергается. Джон Ходж (союз литейщиков) заявляет: пусть сам Броклхерст послужит хоть временно секретарем. Но тот спешит отклонить оказанную ему «честь». И наконец, всплывает имя Джеймса Макдональда, и его единодушно и без всякого обсуждения утверждают в должность⁵⁸.

Все это происходит в спешке, «под занавес». Делегаты торопятся домой и отказываются от перерыва на обед. Случайно или нет, но в момент голосования в зале не оказывается социал-демократов, не жаловавших Макдональда. Им остается с опозданием изливать досаду, что не удалось выдвинуть «более подходящего человека»⁵⁹. Профсоюзные деятели явно не верят в долговечность создаваемой организации и ищут «козла отпущения»: писания у нового должностного лица будут много, а толку от его возни — мало. А тут находится доброволец, согласный взвалить на себя эту ношу, да еще безвозмездно: об оплате его услуг скуповатые тред-юнионисты «забывают».

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 379.

⁵⁷ «Justice», 21.III.1896.

⁵⁸ «The Labour Party Foundation Conference and Annual Conference Reports, 1900—1905». London, 1967, p. 16.

⁵⁹ «SDF. Report of Delegates to Labour Representation Congress», p. 3—4.— ЦПА ИМЛ, ф. 200, IV—3043.

Макдональд ничего не просил, после женитьбы на племяннице известного физика лорда Кэлвина Маргарет Гладстон он — состоятельный человек.

Вероятно, многие делегаты, голосовавшие за Макдональда, полагали, что он займет место главного писаря в КРП. Ничего не было ошибочнее этого взгляда. Новый секретарь не только имел вкус, но и умел вести организационную работу. В годы поисков и вербовки новых членов профсоюзы получали решения, резолюции и призывы КРП за его подписью. На местах его имя стали ассоциировать с партией. Макдональд вел обширную переписку и лично от себя, далеко не только техническую. Он комментировал, растолковывал, разъяснял принципы КРП в собственной интерпретации.

Кроме того, увеличивался вес самого Макдональда в исполкоме новой организации. Большинство его членов обитало вне Лондона, было занято по горло профсоюзной «текучкой» и, собираясь вместе несколько раз в год, с удовольствием, смешанным с чувством удивления, обнаруживало, что КРП, которому многочисленные прорицатели прочили быструю кончину, живет и крепнет. Не склонные к обобщениям и анализу обстановки в стране, они крайне преувеличивали роль секретаря в этом процессе. Конференции выражали ему «сердечную благодарность» за «ценные услуги», «безграничную энергию» и даже за «джентльменский способ» ведения дел⁶⁰. Макдональд — олицетворение скромности и преданности благодарил. Когда же пришел ошеломивший не только «постороннюю публику», но и самих лейбористов успех на выборах 1906 г., ее крестным отцом был наречен Джеймс Рамсей Макдональд.

Он еще не глава партии, но уже ее кронпринц. Избрание Кейр Гарди председателем парламентской фракции — дань его прежним заслугам. Не он, а Макдональд — подлинный выразитель настроений трех десятков реформистов, разместившихся на скамьях над проходом в зал палаты, многие из которых шарахались от самого слова социализм и почти поголовно желали показать, что они вполне способны сотрудничать в буржуазном парламенте и вести дела не хуже всяких выпускников Оксфорда и Кембриджа. Макдональд и тут оказался во всеоружии. Он уже давно и тщательно готовился к парламентской деятельности, изучал нелегкую процедуру, традиции и обычаи Вестминстера. Едва усевшись на свое пока еще очень скромное место, Макдональд стал вести себя как завсегдатай, забрасывая правительство множеством вопросов, умело «создавая впечатление»: «Макдональд небрежно развалился на скамье и, вытянув ноги, со скучающим видом и не глядя, слушает оратора так, будто он член кабинета с двадцатилетним стажем», — делился своими впечатлениями корреспондент газеты «The Labour Leader» спустя месяц после его парламентского дебюта⁶¹. «Макдональд — парламентарий до кончиков ногтей», — писал его биограф Дж. Элтон. И это было так, в традиционном понимании. Его стихия — многочасовые прения, казуистические вопросы, кропотливая работа в комитетах, и «венец» всех усилий — обычно крошечные уступки оппонентов. Порывистый, несдержанный Кейр Гарди, который вдруг «не к месту» разражался обличительной речью, выводил Макдональда из себя.

Сам Макдональд в первой же речи выступил олицетворением умеренности и уважения к традициям. «Никаких фейерверков, никаких общих принципов», — с удовлетворением отмечал Элтон⁶². Шло обсуждение самого, что ни на есть, рядового вопроса о кредитах на различные отрасли управления. Макдональд посетовал на растущую безработицу и перешел к критике способа набора фабричных инспекторов. Он возражал против того, что для занятия должности надо сдавать экзамены по английской литературе (от Шекспира до Уодсворта), всеобщей либо национальной истории, одному из иностранных языков. Что же касается механики, физики либо химии, т. е. предметов, нужных инспектору на практике, то кандидат мог быть круглым невеждой во всех этих областях. Оратор подчеркивал, что в улучшении системы фабричного надзора заинтересован прежде всего каждый «порядочный работодатель». Что же касается «лейбористской партии, то она стремится действовать самым справедливым образом в отношении предпринимателей»⁶³.

⁶⁰ «The Labour Party Foundation Conference...», p. 26, 27; LP, 6th An. Conf., p. 63.

⁶¹ «The Labour Leader», 13.IV.1906, p. 677.

⁶² Lord (G.) Elton. Op. cit., p. 138.

⁶³ PD, 4th Ser., vol. 153, cls. 119—123.

Палате речь понравилась: спокойная, «в рамках», ни намек на «потрясение основ», полная готовность к сотрудничеству. Макдональд хотел сразу же показать, что лейбористы могут внести свою долю «разумного критицизма в однообразное обсуждение повседневных вопросов»⁶⁴. Никто против этого не возражал. И либералы, и тори пришли к приятному выводу: оратор из новой партии — не «крикун», не агитатор. С ним можно иметь дело.

К этому времени относится расцвет публицистической деятельности Рамсея Макдональда. Он не был ни глубоким мыслителем, ни бойким журналистом. Он писал «темно и вяло», а порой и маловразумительно. Кейр Гарди, имевший привычку делать пометки при чтении, не раз вопрошал на полях книги Макдональда «Социализм и общество»: «Что бы это означало?» Для читателя-рабочего Макдональд писать даже не пытался. Чем же объяснить его успех как публициста? Почему труд, схоластический язык которого вызывал недоумение у Кейр Гарди, выдержал за четыре года (1905—1908 гг.) шесть изданий? Ответ, нам кажется, дает другое замечание Кейр Гарди: «Звучит как апология либерализма»⁶⁵. Преподносимые в социалистической обертке, рассуждения Макдональда оказывались самым заурядным буржуазным реформаторством. Либералы и консерваторы не только терпимо, но даже с любопытством и благожелательностью наблюдали за теоретическими изысканиями Макдональда, полагая, что этот товар при случае может пригодиться.

Ничего оригинального труды Макдональда не содержали. Он разделял воззрения Фабианского общества на социализм. Суть взглядов фабианцев сводилась к отрицанию марксова закона прибавочной стоимости, что, вполне естественно, вело к игнорированию основного антагонизма буржуазного общества, антагонизма между трудом и капиталом. Вместо него они выдвигали действительно существовавшие, но отнюдь не игравшие определяющей роли противоречия между различными группировками собственников.

Макдональд не внес в фабианские теории чего-либо принципиально нового. «Экономическая структура общества, — по его словам, — неправомерно упрощается, когда ее рассматривают как соперничество двух классов. Буржуазия не едина ни в отношении экономических, ни в отношении политических целей; пролетариат находится в той же позиции»⁶⁶. Итак, исходная посылка его взглядов — отрицание антагонизма капитал — рабочий класс как отправной точки движения и борьбы в обществе и оси всей деятельности партии.

Слов нет, почва для расхождения интересов отдельных категорий рабочих существовала, и испуганная британская буржуазия не упускала этого из виду. Не с толка брал Макдональд и примеры разногласий в стане капитала. Они существовали и выступали порой с большой остротой. Но нагромождая противоречие на противоречие, Макдональд заслонял от взора читателя главное: что между рабочими существует классовая спайка, порождаемая гнетом, которому они подвергаются как класс; что между капиталистами самых разных оттенков существует солидарность эксплуататоров. Делая акцент не на том, что объединяло рабочих, а на том, в чем их интересы расходились, хотя бы в малой степени, выпячивая не игравшие сколько-нибудь значительной роли, а подчас и искусственно создаваемые «связи» труда и капитала, Макдональд вел подкоп под основные принципы классовой борьбы пролетариата. Антагонизм между трудом и капиталом он ограничивал и низводил до уровня защиты непосредственных интересов рабочего, а профсоюзы выдавал за единственных его представителей: «Классовый интерес не может представляться человеку иначе, как интерес личный.... А в этом чувстве нет принципа социальной реконструкции». Тред-юнионистское движение — «вот чистый пример классовой борьбы. Более того, оно — сама классовая борьба». После такой подтасовки Макдональду было уже нетрудно, критикуя недостатки профсоюзного движения и объявляя их присущими классовой борьбе вообще, прийти к выводу, что последняя «никуда не ведет, ибо не имеет идеальной цели» и что «сама идея классовой борьбы принадлежит досоциалистической и донаучной фазе рабочего движения»⁶⁷.

⁶⁴ Lord (G.) Elton. Op. cit., p. 140.

⁶⁵ E. Hughes. Op. cit., p. 183.

⁶⁶ J. R. MacDonald. Socialism and Society. London, 1908, p. 126.

⁶⁷ Ibid., p. 135, 136.

На словах Макдональд не отрицал наличия классовых противоречий, но и не признавал за ними силы, толкающей общество вперед. Среди множества случайностей у него теряется закономерная нить развития. Вместо вывода о важности теории, которая поможет свести случайности и издержки развития к минимуму, Макдональд объявлял о примате интеллекта над экономикой, идеи над материей: «С точки зрения экономического и промышленного развития неизбежность социализма — чистая фантазия. Он неизбежен лишь постольку, поскольку это делает интеллект. Он неизбежен не потому, что люди подвергаются эксплуатации или здание капитализма разрушается под собственной тяжестью, а потому, что люди разумны»⁶⁸. Поэтому призыв к социализму у Макдональда обращен ко всем без исключения.

Как известно, без перехода политической власти в руки рабочих качественный скачок к социализму невозможен. Макдональд же представлял этот процесс в чисто количественном плане: «Когда существующие тенденции, начало которым положили десятки экспериментов — фабричные законы, законы об охране здоровья, муниципализация — будут продолжены, систематизированы, собраны воедино, результатом явится социализм». «Социальная реформа, — провозглашал он, — вот путь к социализму: это процесс изменения, в ходе которого уродливая гусеница превращается в прекрасную бабочку». Так же как из пенсов складывается фунт стерлингов, на каком-то этапе данная сумма реформ даст социалистический строй. «Капитализм перерастет в социализм». Надо поэтому со вниманием следить и способствовать развитию новых тенденций в старом обществе. И ни в коем случае «не бить капитализм по голове»⁶⁹, чтобы нечаянно не затронуть народившиеся в нем «социалистические тенденции». Так, величайшая в истории социальная революция низводилась до уровня простого эволюционного процесса.

Макдональд немало потрудился над тем, чтобы сделать так называемый «эволюционный социализм» вполне приемлемым для буржуазии. «Социалист, — уверял Макдональд, — отстаивает не отмену частной собственности, а сужение поля ее деятельности». Правда, до каких пределов, он не уточнял. Можно привести несколько обтекаемых определений, вроде следующего: частная собственность должна быть ограничена формами, которые не мешали бы большому числу людей стать ее обладателями⁷⁰. Выходило, что на исходе первого десятилетия нашего века, при бурном развитии процесса концентрации капитала автор хотел повернуть к «золотым временам» начала викторианского царствования, когда среднее и даже мелкое производство переживало расцвет. Реакционная утопия? — Несомненно!

Макдональд посвятил книгу в двух томах животрепещущему вопросу о государстве. Читатель-буржуа с полным удовольствием обнаруживал в ней, что государство, по Макдональду, вовсе не орудие классового господства, а такая разновидность благотворительной организации, преследующей две цели: «создание и поддержание высокого уровня индивидуальной жизни, охрану слабых»⁷¹. Оно «должно представлять опыт всех — богатых и бедных, имущих и неимущих, обладающих собственностью и лишенных ее»⁷². Макдональд не желал замечать и разницы между сменами разных видов эксплуататорских формаций и наступлением социализма, первой общественной формации бесклассового гнета. Для Макдональда все едино: «Организация взаимной помощи, социализм, — возвещал он, — растет в недрах общества точно таким же естественным путем, как феодальная система появилась в результате определенных условий, создавшихся в средние века»⁷³. Автор не скупился на примеры «внедрения» социализма в Англии, выдавая за таковые ростки муниципального хозяйства и довольно значительные уже в то время проявления государственно-монополистического капитализма.

Хотя Макдональд отказывался говорить о конкретных путях к социализму, революцию он отвергал с порога. «Мне едва ли нужно напоминать, — писал он, — что

⁶⁸ Ibid., p. 141.

⁶⁹ Ibid., p. 141, 146, 157—158.

⁷⁰ J. R. MacDonald. Socialism and Government, vol. II. London, 1909, p. 155.

⁷¹ Ibid., vol. I, p. 12.

⁷² Ibid., p. 407.

⁷³ Ibid., p. 20.

все общество, а не один его класс развивается в направлении социализма. Сознательный сторонник классовой борьбы должен, разумеется, отвергнуть эти доктрины [революционные]⁷⁴. Еще бы! Ведь, по Макдональду, в современной ему Англии были созданы чуть ли не тепличные условия для развития его «модели социализма».

Вывод делался самый категорический: рабочим нечего тревожиться и придумывать какие-то революции; все произойдет в свое время, нечего нарушать естественный ход событий. А раз так, то не нужна и революционная организация. Ее создание, по мнению Макдональда, может лишь замедлить наступление социализма, «ибо ее методы будут противоречить путям развития общества»⁷⁵. Иное дело — реформистская организация (или, по терминологии Макдональда, партия, «стоящая на социалистической точке зрения»). Ей в Англии — честь и место.

Макдональд отмечал отдельные недостатки существовавшей в Англии парламентской и правительственной системы, но не в большей степени, чем это делали другие критики, а их насчитывался легион. Гораздо чаще он брал под защиту некоторые обычаи и учреждения от «необоснованных» нападок. У этого «социалиста» находилось доброе слово и относительно монархии. Когда она, как в Англии, «является древней и хорошо установленной частью конституции», то «освобождает государство от хлопотливой задачи избрания главного должностного лица», препятствует неизбежному в других случаях при этом накалу политических страстей⁷⁶. Единственное, против чего Макдональд высказывался безоговорочно, так это палата лордов. Все же остальное в английской государственной системе, утверждал он, прекрасно и нуждается лишь в совершенствовании.

Кредо любого политического деятеля Британии той поры должно было включать и отношение к империи. И здесь Макдональд был благонамеренным из благонамеренных. Прежде всего он предлагал не смущать «туземцев» такими чуждыми и ненужными для них понятиями, как демократия. «Я хочу сказать с полной ясностью, что не считаю неперменной целью колониальной политики белой расы установление демократического правления, как мы его понимаем, среди туземцев. Демократия севера, возможно, привязана к этому району и этой расе». Бросаться с нею на все четыре стороны света, «как будто она является целью всякого правительства, значит делать из нее фетиш». Не надо смотреть на «туземца» как на потенциального белого человека. Попытка разрушить племенную организацию порождает расовую ненависть, «которая иногда (!) приписывается экономическому антагонизму, а на самом деле существует в крови» (!!). Как цель, рассуждал далее Макдональд, самоуправление прекрасно. Но в настоящее время «туземец, за исключением особых случаев, еще не вырос в гражданина, способного нести бремя демократической ответственности». Макдональд заверял, что «социалисты» его образца собираются не распускать, а усовершенствовать империю, превратив ее в некую федерацию «имперских семей»⁷⁷.

Британская буржуазия могла уже в те годы оценить «деловой» подход Макдональда к важнейшим проблемам и его «добрые намерения». Под оболочкой «социалиста» зрел государственный муж, благоговевший перед тем, что создала буржуазия. «Мы едва сознаем, — восторгался Макдональд, — как тонко устроена вся система государственного управления. Лишите ее доверия и уважения народа, сделайте ее обиденной и нечистой, и она начнет рассыпаться в прах, как человеческое тело, от которого отлетела жизнь. А что можно поставить на ее место? Ничего»⁷⁸. Поэтому нельзя даже и в мыслях посягнуть на подобное совершенство. Таков было оппортунистическое кредо Рамсея Макдональда.

* * *

Итак, и Кейр Гарди, и Рамсей Макдональд отрицали научный социализм, проповедовали его «эволюционную» разновидность. Но Кейр Гарди, это, по выражению британского марксиста А. Л. Мортонa, «ходячее воплощение путаницы в рабочем

⁷⁴ Ibid., p. 91.

⁷⁵ J. R. MacDonald. Socialism and Government, vol. I, p. 13.

⁷⁷ Ibid., vol. II, p. 41—42.

⁷⁷ J. R. MacDonald. Socialism and Government, vol. II, p. 80, 88, 108.

⁷⁸ Ibid., vol. I, p. XXV.

движении» ⁷⁹, будучи больше практиком, часто нарушал те принципы, которые логически вытекали из его воззрений. Более того, когда подобные выводы делали другие, тот же Макдональд, он ужасался и отмечал, что это либерализм в чистом виде. Так оно и было. Поэтому Кейр Гарди до конца дней своих оставался для буржуазии «социалистическим чудовищем», а Рамсей Макдональд стал ее хоть и приемным, но от этого не менее возлюбленным чадом.

Добрыми намерениями, говорят англичане, вымощена дорога в ад. Кейр Гарди, несмотря на стремление служить рабочему классу, вымостил путь к руководству лейбористской партией самым опасным и изощренным из оппортунистов типа Макдональда, Гендерсона и Сноудена. Его реформизм, возведенное в ранг добродетели пренебрежение к теории, отрицание марксизма, нежелание поставить принцип классовой борьбы во главу политики лейбористов, стремление «примирить» всех и вся в рядах партии, отстаивание единства во что бы то ни стало привели к этому печальному итогу. Потеряв возможность воздействовать на рабочий класс непосредственно, как в «добрые старые» викторианские времена, когда пролетариат шел за либералами, британский капитал сумел найти пути и способы распространения буржуазной идеологии с помощью правых лейбористов, патриархом которых стал Джеймс Рамсей Макдональд.

⁷⁹ A. L. M o r t o n. Socialism in Britain. London, 1963, p. 57.

